

Канова Н.А.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗОБРАЖЕНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В
НОВОГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (на примере романа Ариса Александру «Ящик»)

Исконная дружба между греческим и славянским народами скреплена совместно пролитой кровью в боях против общего врага, за светлые и гуманные идеалы, за мир под оливами и русскими березами.

Близкое происхождение, схожесть обычаев и обрядов, взаимообмен культурой, общие враги и общие победы с давних времен объединяли греческий и славянский народы. Неудивительно слышать греческие названия русских и украинских городов и поселков, равно как и славянские названия в Греции.

Греция, ее история, философия, литература и искусство нашли широкое отображение в истории, философии, литературе и критических трудах, научных исследованиях, произведениях живописи, скульптуры и музыки – творениях видных представителей русской культуры XIX и XX столетий. Эту любовь и интерес к Элладе – колыбели современной цивилизации – проявляли такие выдающиеся деятели русской культуры как М. Ломоносов, Н. Карамзин, И. Крылов, Г. Державин, В. Белинский, которые сумели сделать культурное наследие Греции достоянием просвещенной России.

В свою очередь, греческий писатель, историк М. Александропулос, проведя многие годы в России, переводит на греческий язык «Слово о полку Игореве», пишет статьи о Пушкине и Белинском, дабы греческий читатель познакомился с шедеврами русской литературы [1, с. 42].

Борьба греческого народа за освобождение от многовекового османского ига, кульминационным моментом которого стала национально-освободительная революция 1821 года, нашла широкий отклик у представителей передовой части общества, в частности у декабристов, прогрессивных писателей и поэтов.

Вторая мировая война очень сплотила славянские народы с народом Греции. Греки никогда не забудут своих боевых друзей – русских людей, сражавшихся плечом к плечу с ними против захватчиков, оккупировавших Грецию. Русские люди были для них живым примером стойкости и бесстрашия в борьбе с врагом. «Только то обстоятельство, что среди нас были советские бойцы, поднимало дух партизан, а если учесть, что в любую схватку с врагом они шли первыми, можете себе представить, каким авторитетом они пользовались!» – вспоминает Г. Пепас, участник боев за освобождение Греции [2, с.199]. Но для греков Вторая мировая война была еще и грандиозной войной за независимость, когда Греция сплотила все свои силы и смело вступила в борьбу против установившейся фашистской диктатуры.

Цель статьи – отметить особенности видения и изображения войны Арисом Александру – греческим писателем-философом, который эту войну пережил, и чье восприятие в значительной степени отличается от изображения войны писателями социалистического реализма.

Арис Александру, сын грека и немки русского происхождения, родился в Ленинграде, но через некоторое время семья переезжает в Грецию. Свои первые деньги он зарабатывает переводами с русского на греческий, а впоследствии открывает собственное издательство. Благодаря Александру греческий читатель знакомится со многими шедеврами русской литературы. Во время Второй мировой войны он всецело испытывает на себе всю ее жестокость и несправедливость. В период с 1945 по 1958 год Александру подвергается арестам и ссылкам, в полной мере познает безжалостность и бесчеловечность военной диктатуры. После долгих лет тюрем Александру пишет роман «Ящик», ставший вершиной его исканий в жизни и литературе [3, с. 7].

Изучая жизненный путь и творчество Александру, мы явно ощущаем некоторые особенности правдивого изображения войны, понимания общечеловеческих ценностей и сути подвига и невольно сравниваем его роман с произведениями известных нам писателей – Бориса Васильева, Василя Быкова, Юрия Бондарева, Георгия Бакланова. Схожи и их судьбы. Все они узнали войну не понаслышке, были ее участниками. Их проза напоминает как бы крепко сжатую стальную пружину – быстро распрямляясь, она несет такой заряд энергии, что кажется, вместе с их героями ты проживаешь жизнь, забыв о кратком времени знакомства с ними. Но при более внимательном прочтении видишь, что одна и та же война изображается писателями с разных позиций. Александру пишет о войне критически, позволяя себе смелое толкование действий и приказов командиров, их оценку, осуждение бессмысленности многих поступков, на первый взгляд, таких необходимых на войне. Писатели социалистического реализма, следуя художественной традиции, обозначенной «Звездой» Э.Казакевича, стремясь раскрыть истоки массового героизма в народной войне, мужества, силы духа, оставляли за полями многие реальные факты военных промахов и поражений. Хотя у Васильева или Быкова, например, эти промахи зачастую очевидны для читателя.

Творчество Ариса Александру практически неизвестно русскому и украинскому читателю. Анализируя литературу о нем, вы не встретите упоминаний или ссылок на русский перевод его произведений. Тем более интересно для автора читать в оригинале «Ящик» и делать художественный перевод фрагментов романа на русский язык, стараясь сохранить специфическую манеру изложения писателя.

Творчество советских авторов, пишущих о войне, довольно известно нашему читателю, чаще всего рассматривалось ограниченно, с одной позиции, как гимн героизму советского народа. Их произведения считались образцами проявления лучших качеств человека и воина – выдержки, воли, решительности, мужества. Их герои считались людьми «особого склада ума и характера, нравственного героического действия. Если одухотворенный и преданный принципу человечности герой трагически гибнет, сама смерть учит не столько героически умирать, сколько тому, как достойно жить» [4, с.26].

В наше время стало возможным прочесть книги этих писателей с несколько иных позиций. Времена меняются, меняются и подходы к восприятию моральных и духовных ценностей. Ушли в прошлое жесткие требования социалистического реализма. Так о чем же все-таки думал и что чувствовал человек в действительности, совершая подвиг?

Сюжет романа Ариса Александру «Ящик» удивляет своим сходством с сюжетом повести Василя Быкова «Дожить до рассвета». Локальный боевой эпизод: группа выходит на задание согласно приказу глав-

нокомандующего, не зная точной цели, на их пути возникает множество осложнений, гибель товарищей, и в итоге цель оказывается недостигнутой, все жертвы и усилия напрасными.

С самого начала повествования Александру настораживает какая-то бессмысленность действий, которую уже ощущаем мы, читатели, но еще не видят герои. Это же ощущение присутствует и у Быкова. В его манере тоже прослеживается какая-то недосказанность. Герой повести «Дожить до рассвета», коммунист, офицер, не имеет права думать и поступать не так, как обязывает его время. Но он ошибается, и люди, за которых он в ответе, погибают.

Герои романа «Ящик» получают важное военное задание, от которого зависит исход войны: в город К. тайно провезти запечатанный металлический ящик. «Если доставите ящик в К., выиграем войну. Если нет – проиграем», - приказывает Генеральный Штаб [5, с.70]. После многих потерь – два взвода были уничтожены – ящик прибыл в город К. Ящик открывают и находят, что он пуст. «Это странная, и в некоторой степени сумасшедшая операция, которая вместо того, чтобы длиться 3 – 4 дня, растянулась на два с половиной месяца», - подробно, но сумбурно, постоянно повторяясь, пишет в оправдательной записке следователю единственный оставшийся в живых [5, с.72]. Он не знает, по какой причине схвачен, ему не предъявлено обвинение. Его окружают власть полнейшей тишины его камеры и Высшая власть, которую представляет загадочный следователь.

Роману Ариса Александру присуще тончайшее и старательное воспроизведение конкретных эпизодов и мелочей. Все мелкие детали оживают в романе, читатель увлекается упорством и настойчивостью писателя в этом, точностью, с которой он преподносит каждый факт и каждое мельчайшее событие: "Когда мы вернулись в гараж, (командир вел машину очень медленно и осторожно, точно так же ехала и сопровождающая машина), часовые открыли железные двустворчатые двери, джип заехал вовнутрь, мы выгрузили ящик, поставили посередине гаража, джип выехал наружу, командир приказал нам принести два фонаря, сторож вышел, закрыв за собой двери" [5, с. 69]. Этот прием, которым пользуется Александру на протяжении всего романа (скрупулезность, зачастую излишняя детализация) позволяет читателю более точно ощутить глубину переживаний подследственного, (ведь от того, что он вспомнит, зависит судьба его товарищей) и, конечно же, самого автора.

Для выражения основной идеи романа (бессмысленности войны и всего того, что происходит с героями) писатель выбирает особый способ выражения идеи – его язык: правильный, ровный, не вызывающий у читателя препятствий и затруднений и помогающий героям романа действовать так, как задумал автор. Роман насыщен сложными предложениями, передающими мысли, сомнения и терзания героя. Но это совсем не утомляет читателя, а, напротив, помогает лучше понять состояние героя, его изнурительную борьбу с самим собой.

Три ссылки, заключавшиеся в скитаниях по греческим лагерям, помогли в целом сформировать взгляды Ариса Александру на сущность реального мира. Возможно, что в "Ящике" главным героем он видит себя самого – растерявшегося человека-числа (каким он и был в лагерях) в таком большом и непонятном мире власти и сложных для понимания даже тех, кто их принял, законов.

Интересно, что все лица в романе, кроме самого рассказчика, не имеют имен, это не люди, а числа, как будто они части какой-то игры, которой руководит кто-то извне (Генеральный Штаб); у них уже нет прошлого, которое превратит эти числа в людей, у них, скорее всего, нет и будущего. Не случаен и главный символ романа – пустой ящик. При работе над переводом фрагментов романа пришлось столкнуться с рядом вариантов толкования названия. Это и «Шкатулка», и «Ларец», и «Сейф», и «Сундук», и «Ящик». Название «Ящик» кажется наиболее удачным, т.к. значения слов «шкатулка», «ларец» несут положительный оттенок, что в данном случае является неуместным. Ящик – это что-то безликое и громоздкое, зачастую лишенное содержания, смысла, и это вполне соответствует идее романа. Именно он несет в себе главную смысловую нагрузку романа, акцентирует внимание на бессмысленности войны, безысходности слепого подчинения приказам.

И вновь напрашивается аналогия с повестью В.Быкова «Дожить до рассвета», где все правдиво: и напряженная атмосфера нависшей над людьми опасности, и психологическое состояние героев. По-особому заострены этические проблемы: после того, как бойцы обнаружили отсутствие склада, они подчиняются новому приказу лейтенанта, зная, что могут погибнуть. Но они не могут иначе – лейтенант для них – командир, лицо, отдающее приказы. Но в этой ситуации он не может найти доводов, чтобы доказать солдатам, что они должны идти вместе: «Иначе зачем тогда столько крови, столько безвременно отданных жизней, столько человеческих мук и страданий – есть же в этом какой-нибудь смысл. Должен ведь быть» [6, с. 139]. На протяжении всей повести мы не можем найти ответа на этот часто встречающийся вопрос. Имел ли право лейтенант требовать в таких условиях от солдат самопожертвования? И вообще, имела ли смысл вся операция?

Взгляды критиков на советскую военную прозу достаточно схожи: «Это глубокие размышления прежде всего о нравственной ценности подвига, об истинном героизме, о силе человеческого духа», «Это фигуры, олицетворяющие мужество и всенародную силу духа» [7, с. 35], [8, с. 24]. И только в одном издании лишь мельком приводятся слова немецкого литературоведа Шарлоты Шмитц о повести Василя Быкова «Дожить до рассвета»: «Они терпят фиаско, они ничего не меняют в течении событий» [4, с.56]. А не так ли это?

Это действительно еще один пример слепого повиновения, бессмысленности поступков и пренебрежения человеческой жизнью. Мальчишки-солдаты, едва окончившие школу, мечтавшие о будущем, впервые взяли в руки оружие, оказались в заснеженном поле, они не знают, куда идут, для чего, и вернутся ли. Сколько людей на войне погибло из-за непродуманных планов и операций, сколько пропало без вести, и сколько до сих пор значатся лишь на бумаге под порядковым номером.

Константин Паустовский в «Золотой розе» заметил: «Часто нужно расстояние во времени, чтобы проверить и оценить силу настоящей литературы и степень ее совершенства» [9, с. 526]. Литература о войне в особенности проверяется временем и, к сожалению, новыми войнами.

Коран говорит, что все погибшие на поле боя попадут в рай. Это самый простой, традиционный способ объяснения тех ситуаций, тех моральных проблем, которые затронули военных прозаики в своих произведениях – оборотная сторона войны, ее бессмысленность и жестокость. По традиции, мужчина должен принять вызов, его обязанность – участвовать в борьбе, принять чью-то сторону. Герои Александру, Быкова, Васильева, Бондарева сделали это, они выполнили долг воина, но, как люди XX века, не могут обойтись без мучительной рефлексии по поводу того, что произошло. В этой рефлексии прослеживается глубокий смысл исследуемых произведений. То, что мужчины XX века не видят смысла в войне, свидетельствует либо о том, что они перестали быть мужчинами, либо о том, что война в наших условиях уже невозможна, вредна, не решает никаких проблем, которые стоят перед человеком. Хотя по сути своей война всегда была не лучшим способом разрешения проблем, и еще князь Андрей «под высоким небом Аустерлица» размышлял об этом.

Арис Александру в своем творчестве широко использует символику: пустой ящик – символ неизвестности и слепого подчинения, обещанные солдатам ордена – символ превосходства власти и управления простыми людьми, неведение о содержимом ящика – неведение о будущем страны. Возможно, эта приверженность связана с той эпохой, в которой жил писатель, когда символы были неотъемлемой частью жизни общества, когда людям в головы буквально вбивали понятия, символизирующие безупречную, героическую жизнь истинных патриотов.

Военная проза советских писателей – острые, глубокопроблемные произведения – обладают большой эмоционально-художественной силой, наполнены глубоким гуманистическим содержанием, раскрывают высокие моральные качества личности, не имевшей права выбора на той войне.

Быков, Васильев, Александру, как художники, причастны к плодотворным процессам, происходящим в современной прозе, – речь идет о дальнейшей драматизации жанров повести и рассказа, о сближении литературы с ее жизненной – документальной – первоосновой, развитии таких ее неотъемлемых качеств, как философичность, аналитичность, психологизм.

Писателей объединяет внутреннее ощущение жестокости и бессмысленности войны. Но передает эти ощущения каждый по-своему. Проза Быкова, Васильева – четкая и лаконичная. Их герои – живые люди, хорошо узнаваемые, каждый со своим характером, со своей судьбой. Герои философского романа Александру – это числа – без лица, без имени, без прошлого и будущего.

Писатели, каждый на своем материале, в разной творческой манере, исследуют одну и ту же проблему, которую поставило перед ними их время. Решают они эту проблему по-разному, поскольку живут в разных обществах, с разными идеологическими установками, с разной степенью свободы. Они не оспаривают необходимости борьбы за свободу и независимость родины, но считают, что человек не может подчиниться стихийности войны, не должен омрачать высокий смысл борьбы за независимость и свободу какими-то бессмысленными и жестокими действиями.

Эти мучительные размышления, постановка очень важных и серьезных проблем в сочетании с художественными достоинствами произведений сделали творчество военных прозаиков востребованным, популярным и безусловно современными. Их книги многократно переиздавались. «Ящик» А. Александру до 2000 года выдержал 22 издания на греческом языке. Ежегодно в разных странах переиздаются военные произведения наших соотечественников. Так, до 1980 года повесть «Дожить до рассвета» выдержала 27 изданий на 11 языках.

До сих пор оставляют в ряду актуальных исследуемые произведения и острые критические статьи. Французские, немецкие, критики не перестают анализировать роман Ариса Александру «Ящик». Греческие критики А.Котзьяс, Н.Григориадис, Р.Галанакис, Д.Равтопулос единогласно считают роман глубоко психологическим, философским, а Ариса Александру без сомнений причисляют к ряду новых символистов [10, с. 149]. Российские, белорусские, украинские, немецкие исследователи и сегодня проводят параллели между произведениями В. Быкова, Ю. Бондарева, Э.Ремарка – лучшими образцами мировой гуманистической литературы. Их, безусловно, привлекает правда войны – грязь, кровь, ужасы ее, крушение идеалов и сохранение извечных человеческих ценностей в самых трудных и безнадежных ситуациях.

Такая актуальность творчества греческого и советских прозаиков объясняется, прежде всего, народностью их творчества, тем, что их искусство – «сигнал» человечеству о своем народе, о проблемах и особенностях его социальной, духовной и национальной жизни.

Идея бессмысленности целей и поступков в литературе не нова. Она прослеживается у целого ряда писателей, хотя законы социалистического реализма в свое время не позволяли ее видеть. Его главное требование – отрицание ценности человеческой жизни по сравнению с великой целью – мировой революцией. Именно с таких позиций оценивались в советской литературе «Тихий Дон» М. Шолохова, «Разгром» А. Фадеева, «Железный поток» А. Серафимовича. Сегодня же мы видим, что при верности деталей традиционных реалистических художественных приемов им было свойственно «приукрашивание» природы и психологическая немотивированность «революционного преобразования» психики персонажей и их действий.

Меняются времена, переосмысливаются ценности. Осталось ли современным наследие советских писателей? В наше время стало возможным под иным углом посмотреть на военную прозу, взглянуть другими глазами на ее содержание. Естественно, что современность художественного произведения не заключается в его злободневности или каких-либо признаках времени. Но если произведение искусства заставляет современных читателей или зрителей думать не только о нем, но смотреть куда-то дальше, вглубь, вызывает ряд ассоциаций, помогает в осмыслении жизни, то оно современно.

С этой точки зрения проза Александру, Васильева, Быкова, Бондарева, Бакланова безусловно современно.

менна. Их произведения помогают решать серьезные вопросы современной жизни и порождают многообразные ассоциации, размышления и сопоставления. Они ставят перед читателем много насущных и актуальных вопросов: о прошедшей войне, ее значении и жертвах, о необходимости и возможности мира на земле, о человечности.

«Поскольку искусство родилось у костра, оно должно светить, оно должно греть и оно должно объединять», - сказал Борис Васильев [11, с. 18]. Эта неоспоримая формулировка еще столетиями будет сплачивать сотни литературоведов, языковедов, искусствоведов и порождать все новые и плодотворные для будущего исследования, споры и открытия.

Источники и литература

1. Шпаро О. Освобождение Греции и Россия (1821-1829). – М.: Мысль. – 1965. – 280с.
2. Меньшиков В. У потомков Гомера – М.: Мысль, 1988. – 266с.
3. Κόκκινη Σπύρου. Βιογραφίες συγγραφέων. – Αθήνα: Προισταμένου τις Βιβλιοθήκης του Υπουργείου Εθνικού, 1989. – 368σ.
4. Курносоев Д. Человек на войне: творчество Быкова в зарубежной критике // Литературное обозрение. – 1984. - №5. – с.26-29.
5. Αλεξάνδρου Αρης. Το Κιβώτιο. – Αθήνα: Κέδρος, 2000. – 358 σ.
6. Быков В., Обелиск. Дожить до рассвета. Западня. – Калининград: Кн. изд-во, 1985. – 239с.
7. Медовников С. Две повести о подвиге // Радуга. – 1974. - №12. – с.178.
8. Лазарев Л. По приказу совести // Новый мир. – 1965. - №5. – с.251-254.
9. Паустовский К. Повести – М.: Правда – 1980. – 670 стр.
10. Σαχίνη Αλόστολου. Μεσοπολεμική και μεταπολεμική τεζουράφοι. – Αθήνα, 1991.
11. Васильев Б. А зори здесь тихие. Повесть. В списках не значился. Роман. Рассказы. – Кишинев: Литература артистикэ, 1978. – 384с.

Терновая Т.Ю. ШЕКСПИРОВСКИЙ КАНОН И СОВРЕМЕННЫЙ АНГЛИЙСКИЙ РОМАН. ДЖОН ФАУЛЗ О В. ШЕКСПИРЕ

В свете популярности, которую имеет современный метод интертекстуального анализа, особую актуальность приобретает тема выявления литературной преемственности литературного наследия Вильяма Шекспира в художественном творчестве Джона Фаулза.

Новизна темы исследования заключается в более пристальном изучении традиционалистского характера творчества Джона Фаулза и во многом обусловлена подходом к исследуемому материалу.

В современном постиндустриальном обществе, после эпохи тотального отречения от культурного наследия прошлого и безудержного поиска новых идей, форм, смыслов и понятий, вновь возникает интерес и приобретает все большую актуальности культурно-историческая преемственность или традиция.

Мы, вслед за российским литературоведом В.Е. Хализевым, под традицией будем понимать «общегуманитарное понятие, характеризующее культурную память и преемственность» [1]. Традиция, «связывая ценности исторического прошлого с настоящим и передавая культурное достояние от поколения к поколению, осуществляет избирательное и инициативное овладение наследием во имя его обогащения» [1].

Необходимо отметить, что плюрализм литературных течений и направлений XX века породил множество противоречивых и антагонистических точек зрения касательно традиции и художественного традиционализма.

Так, например, английский литературный критик Т.С. Элиот считает, что в традиции «проявляется бессмертный дар предшественников автора, его литературных предков, ныне покойных...» [2].

Т.С. Элиот отмечает особую значимость традиции, позволяющей прошлому и настоящему сосуществовать в одном измерении – на страницах художественного произведения: «Значимость традиции гораздо более широкая. Ее нельзя передать по наследству... В первую очередь традиция предполагает чувство истории..., а чувство истории предполагает восприятие прошлого не только как прошедшего, но и как настоящего; чувство истории требует, чтобы человек писал так, словно не только все его поколение сидит у него внутри, но как будто вся европейская литература, начиная с Гомера, а вместе с ней и вся литература его собственной страны, существует синхронно, составляет некую синхронную упорядоченность. Вот это чувство истории, то есть ощущение вневременного и временного, одного в другом и вместе с этим другим, и делает писателя традиционным, одновременно сообщая ему острое сознание своего места во времени, принадлежности к своему времени» [2].

В свою очередь немецкий литературовед Р. Вейман рассматривает традицию как общекультурное явление, развивающееся «на основе единства противоречий: она питается исторической действительностью прошлого и историческим сознанием настоящего. В силу содержания традиции (traditum, tradendum – переданное, передаваемое) устанавливается изменчивое отношение между историческим аспектом произведения искусства и его становлением и влиянием на читателя в современности» [2].

По Р. Вейману литературная традиция «есть категория отношения, обнаруживающая историческое развитие. Традиция есть то, что воспринято и что, будучи само изменчивым изменяет творчество тех, кто воспринял традиционные образы. Взаимосвязь создает возможность постоянного живого обмена между эпохой возникновения и эпохой воздействия литературного произведения...» [2].

Представители же современных авангардистски ориентированных направлений, к которым можно от-